Светлячок

Автор:
Харуки Мураками

Светлячок и другие рассказы (сборник)

Харуки Мураками

Перед вами сборник рассказов самого знаменитого мастера современной японской литературы, в который вошли очень разные по сюжету и настроению, но одинаково впечатляющие, удивительные и яркие истории – от светлого и грустного «Светлячка», послужившего автору основой для его знаменитого романа «Норвежский лес», до сверхэмоционального и интригующего рассказа «Танцующая фея», герой которого трудится на заводе по изготовлению живых слонов. Заядлый поджигатель сараев, слепая ива и спящая девушка, Зимний Музей, висячий сад герра W и крепость Германа Геринга – загадочный мир Харуки Мураками раскрывается читателю во всей своей полноте.

Ранее эта книга публиковалась под названием «Сжечь сарай».

Харуки Мураками

Светлячок и другие рассказы

Светлячок

Давным-давно, а если точнее – четырнадцать-пятнадцать лет назад – я жил в студенческом общежитии. Было мне тогда восемнадцать, и я только поступил в институт. Токио я не знал вовсе и никогда не жил один, поэтому заботливые

родители сами подыскали мне это жилье. Естественно, стоимость играла не последнюю роль: она оказалась на порядок ниже обычных расходов одиноких людей. Будь моя воля, снял бы квартиру да жил в свое удовольствие. Но если вспомнить, во сколько обошлось поступление, прибавить ежемесячную плату за обучение и повседневные расходы, – тут уж не до выбора.

Общага располагалась в Токио на холме с видом на центр города. Широкая территория окружена высоким бетонным забором. Сразу за ним по обеим сторонам возвышались ряды исполинских дзелькв – деревьям стукнуло по меньшей мере века полтора. Из-под них не было видно неба – его полностью скрывали зеленые кроны.

Бетонная дорожка петляла, огибая деревья, затем опять выпрямлялась и пересекала внутренний двор. По обеим сторонам параллельно друг другу тянулись два трехэтажных корпуса из железобетона. Огромные здания. Из открытых окон играло радио. Занавески во всех комнатах – одинаково кремового цвета: не так заметно, что они выгорели давно и безнадежно.

Дорожка упиралась в расположенное по центру главное здание. На первом этаже – столовая и большая баня. На втором – лекционный зал, несколько аудиторий и даже комната неизвестно для каких гостей. Рядом с этим корпусом – еще одно общежитие, тоже трехэтажное. Двор очень широкий, на зеленых газонах, утопая в солнечных лучах, вращались поливалки. За главным зданием – поле для бейсбола и футбола и шесть теннисных кортов. Что еще нужно?

Единственная проблема общежития – хотя считать это проблемой или нет, мнения могут разойтись – заключалась в том, что им управляло некое сомнительное юридическое лицо, состоявшее преимущественно из ультраправых элементов. Чтобы это понять, вполне достаточно было прочесть рекламный буклет и правила проживания: «Служить идеалам воспитания одаренных кадров для укрепления родины». Сие послужило девизом при создании общежития: согласные с лозунгом финансисты вложили частные средства… Но это – лицевая сторона. Что же касается оборотной, истинного положения вещей не знал никто. Одни говорили, это уход от налогов, другие – афера для получения первоклассного участка земли под предлогом создания общежития, третьи – обычная самореклама. В конечном итоге особой разницы нет. Так или иначе, я прожил в этом подозрительном месте ровно два года – с весны 1968-го по весну 1970-го. В быту различия между правыми и левыми, лицемерием и злорадством не так уж велики.

День общежития начинался с торжественного подъема государственного флага. Естественно, под государственный же гимн. Как спортивные новости неотделимы от марша, подъем флага неотделим от гимна. Площадка с флагштоком располагалась по центру двора и была видна из каждого окна каждого корпуса общежития.

Подъем флага – обязанность начальника восточного (где жил я) корпуса, высокого мужчины лет пятидесяти, с проницательным взглядом. В жестковатой по виду шевелюре пробивалась седина, загорелую шею пересекал длинный шрам. Я слышал, он окончил военную школу в Накано. За ним следовал студент в должности помощника поднимающего флаг. Студента этого толком никто не знал. Острижен наголо, всегда в студенческой форме. Я не знал ни его имени, ни номера комнаты, где он жил. И ни разу не встречался с ним ни в столовой, ни в бане. Я даже не знал, действительно он студент или нет. Раз носит форму, выходит – студент, что еще можно подумать? В отличие от накановца, он был приземист, толст и бледен. И эта пара двух абсолютных антиподов каждый день в шесть утра поднимала во дворе общежития флаг.

В первое время я из любопытства нередко просыпался пораньше, чтобы наблюдать столь патриотическую церемонию. В шесть утра, почти одновременно с сигналом радио парочка показывалась во дворе. Униформист держал тонкую коробку из павлонии, накановец нес портативный магнитофон «Сони». Накановец ставил магнитофон на ступеньку площадки флагштока. Униформист открывал коробку, в которой лежал аккуратно свернутый флаг. Униформист почтительно передавал флаг накановцу, который привязывал его к тросу Униформист включал магнитофон.

Государственный гимн.

Флаг легко взвивался по флагштоку

На словах «…из камней…» он находился еще примерно посередине, а к фразе «…до тех пор» достигал верхушки. Эти двое вытягивались по стойке смирно и устремляли взоры на развевающееся полотнище. В ясную погоду, когда дул ветер, вполне даже смотрелось.

Вечерний спуск флага производился с аналогичной церемонией. Только наоборот: флаг скользил вниз и укладывался в коробку из павлонии. Ночью флаг

не развевался.

Я не знаю, почему флаг спускали на ночь. Государство остается государством и в темное время суток, немало людей продолжает работать. Мне почему-то казалось несправедливым, что путеукладчики и таксисты, хостессы в барах, пожарные и охранники не могут находиться под защитой государства. Но это на самом деле не столь важно. И уж подавно никто не обижался. Думал об этом, пожалуй, только я один. Да и то – пришла в голову мысль и унеслась прочь.

По правилам общежития, перво– и второкурсники жили по двое, студентам третьего и четвертого курсов предоставлялись отдельные апартаменты.

Двухместные комнаты напоминали вытянутый пенал примерно в десять квадратных метров. Напротив входа – алюминиевая рама окна. Вся мебель максимально проста и массивна: по два стола и стула, двухъярусная железная кровать, два ящика-гардероба и самодельная книжная полка. На полках почти во всех комнатах ютились в ряд транзисторные приемники и фены, электрические чайники и термосы, растворимый кофе и чайные пакетики, гранулированный сахар и кастрюльки для варки лапши, а также обычная столовая посуда. К отштукатуренным стенам приклеены постеры из «Плэйбоев». На подставках над столами выстроились учебники, словари и прочая литература.

Ожидать чистоты в юношеских комнатах было бессмысленно, и почти все они кошмарно заросли грязью. Ко дну мусорного ведра прилипла заплесневевшая мандариновая кожура, в банках, служивших пепельницами, громоздились горы окурков. В кружках – засохшая кофейная гуща. На полу валялся целлофан от сублимированной лапши, пустые пивные банки, всякие крышки и непонятные предметы. Взять веник, замести на совок мусор и выбросить его в ведро никому не приходило в голову. На сквозняке с пола столбом подымалась пыль. Какую комнату ни возьми – жуткая вонь. Под кроватями у всех копилось грязное белье, матрас сушится, когда придется, и ему ничего не оставалось, как впитывать сырость, источая устойчивый смрад затхлости.

По сравнению с прочими, в моей комнате было чисто, как в морге. На полу – ни пылинки, пепельница всегда вымыта, постель сушилась регулярно раз в неделю, карандаши собраны в пенал, на стене вместо порнографии – фото канала в Амстердаме. Мой сосед по комнате болезненно относился к чистоте. Он сам наводил порядок. Даже иногда стирал мне вещи. Я же не шевелил и пальцем. Стоило мне поставить на стол пустую пивную банку, как она тут же исчезала в

мусорном ведре.

Этот мой сосед изучал географию в одном государственном университете.

– Я изучаю ге-ге-географию, – сказал он, едва мы познакомились.

– Карты любишь? – спросил я.

– Да. Вот закончу учиться – поступлю в Государственное управление географии. Буду ка-карты составлять.

Я восхитился: в мире столько разных желаний и целей жизни. Мне до сих пор не приходилось задумываться, какие люди и по каким соображениям составляют карты. Однако заикающийся всякий раз на слове «карта» человек, который спит и видит себя в Государственном управлении географии – это нечто. Заикался он, конечно, не всегда, но на слове «карта» – постоянно.

– А тво-твоя специализация? – спросил сосед.

– Театральное искусство.

– В смысле, в спектаклях играть?

– Нет, не это. Читать и изучать драму. Там… Расин, Ионеско, Шекспир…

– Я, кроме Шекспира, больше никого не знаю, – признался он.

– Я и сам раньше о них не слышал. Просто эти имена стоят в плане лекций.

– Ну, то есть, тебе нравится?

– Не так, чтобы…

Ответ его смутил. И по мере замешательства заикание усилилось. Мне показалось, что я совершил страшное злодеяние.

– Да мне было все равно, – пояснил я. – Хоть индийская философия, хоть история Востока. Подвернулось театральное искусство – только и всего.

– Не понимаю, – сказал он с действительно непонимающим видом. – Во-вот мне… нравятся ка-карты, поэтому я изучаю ка-ка-картографию. Для этого я специально поступил в столичный институт, получаю регулярные переводы на обучение. А у тебя, говоришь, все не так?..

И он был прав. Я уже не пытался что-либо объяснять. Затем мы вытянули на спичках, где кому спать. Он выбрал верхнюю койку.

Сосед постоянно носил белую майку и черные брюки. С наголо обритой головой, высокого роста, сутулый. На учебу непременно надевал форму. И ботинки, и портфель были черными как сажа. По виду – вылитый студент с правым уклоном, причем многие его таковым и считали, хотя, по правде говоря, он не питал к политике ни малейшего интереса. Просто ему было лень подбирать себе одежду, он так и ходил – в чем было. Его интересы ограничивались изменениями морских береговых линий или введением в строй новых железнодорожных тоннелей. И стоило зайти разговору на эту тему, он мог, заикаясь и запинаясь, говорить и час, и два – пока собеседник либо засыпал, либо бежал от него прочь.

От раздававшегося ровно в шесть утра гимна он просыпался, как по будильнику. Выходило, что показная церемония поднятия флага не совсем бесполезна. Одевался и шел к умывальнику. Процесс умывания был долог. Казалось, он по очереди снимает и вычищает все свои зубы. Возвращаясь в комнату, с хлопком расправлял и вешал сушить на батарею полотенце, клал на место мыло и зубную щетку. Затем включал радио и начинал утреннюю гимнастику.

Я обычно ложился поздно и спал бы еще крепким сном, не реагируя на его утреннюю возню и шум. Но когда он переходил к прыжкам, я не мог не проснуться.

Еще бы: при каждом его подскоке – и нужно заметить, высоком, – моя голова подлетала над подушкой сантиметров на пять. Тут уж не до сна.

– Знаешь, – не выдержал я на четвертый день, – не мог бы ты делать гимнастику где-нибудь на крыше? А то ты мне спать не даешь.

– Не годится. Буду заниматься на крыше – начнут жаловаться с третьего этажа. Здесь-то первый, под нами – никого.

– Ну тогда занимайся во дворе. На травке, а?

– Тоже не годится. У ме-меня не транзисторный приемник. Без розетки не работает. А не будет музыки – я не смогу делать зарядку.

И в самом деле: его древний приемник работал только от сети. С другой стороны, транзистор был у меня, но он принимал только музыкальные стереопрограммы. «И что теперь?» – спросил я себя.

– Давай договоримся. Зарядку делай, только убавь громкость и подпрыгивай вот так – «прыг-скок», а? А то ты не прыгаешь, а скачешь. Идет?

– «П-прыг-скок»? – удивился он. – Что это такое?

– Когда прыгаешь, как зайчик.

– Таких прыжков не бывает…

У меня разболелась голова. Сначала подумал: а и черт с ним, – но коли завел разговор сам, нужно разобраться до конца. Напевая главную мелодию радиогимнастики, я показал ему «прыг-скок».

– Видишь? Вот так. Такие бывают?

– То-точно, бывают. А я не замечал!

– Ну вот. – Я присел на кровать. – Все остальное я как-нибудь потерплю – только брось скакать, как лошадь. Дай мне поспать.

– Не годится, – просто сказал он. – Я не могу ничего выбрасывать. Я такую гимнастику делаю уже десять лет. Каждое утро. Начинаю, и дальше – все машинально. Выброшу что-то одно, и пе-пе-перестанет получаться все остальное…

– Ну тогда не делай вообще.

– Зачем ты так говоришь? Будто приказываешь.

– Ничего я не приказываю. Просто хочу спать часов до восьми. А если и просыпаться раньше, то не как ошпаренный, а вполне естественным образом. Только и всего. Понятно?

– Поня-а-атно.

– И что будем делать?

– Просыпаться и делать зарядку вместе со мной.

Я опустил руки и завалился спать. Он же продолжал делать гимнастику, не пропуская ни одного дня.

Когда я рассказал о соседе и его утренней гимнастике, она прыснула. Я не собирался делать из рассказа комедию, но в конечном итоге ухмыльнулся и сам. Давно я не видел ее веселой, хотя спустя мгновение улыбка уже исчезла с лица.

Мы вышли на станции Йоцуя и шагали по насыпи к Итигая[1 - Станции Центральной линии железнодорожной сети «Джапэн Рэйлроуд». – Здесь и далее прим. переводчика.]. Воскресный вечер в середине мая. До обеда накрапывал дождик, но теперь тяжелые тучи уносило с неба южным ветром одну за другой. Ярко-зеленые листья сакуры колыхались и сверкали на солнце. В воздухе пахло летом. Люди несли свои свитера и пальто кто на руке, кто перебросив через плечо. На теннисном корте по ту сторону насыпи молодой человек снял майку и в одних шортах размахивал ракеткой. В ее металлическом ободе играли лучи солнца.

Только две сидевшие на лавке монашки были облачены по-зимнему в черное – что, однако, не мешало им задушевно болтать. С таким видом, будто лето еще за горами.

Минут через пятнадцать у меня вспотела спина, я снял плотную рубашку и остался в одной майке. Она закатала до локтей рукава бледно-серой ветровки. Вещь сильно поношенная, но выцвела приятно. Кажется, я видел ее раньше в этой ветровке, но припоминал весьма смутно. Как и многое другое в ту пору. Все казалось мне событиями глубокой давности.

– Как тебе совместная жизнь? Интересно жить с другими людьми? – спросила она.

– Пока не знаю. Рано еще судить.

Она остановилась перед фонтанчиком, сделала глоток воды и вытерла рот платком, вытащив его из кармана брюк. Потом затянула потуже шнурки.

– Как ты думаешь, мне такая жизнь подойдет?

– В смысле – коллективная? Общежитие, что ли?

– Да, – ответила она.

– Как сказать… Тут как посмотреть. Хлопот, конечно, хватает. Дурацкие правила, радиогимнастика.

– А-а, – кивнула она, и, как мне показалось, на некоторое время ее мысли унеслись куда-то вдаль. А потом она посмотрела на меня так, будто увидела во мне что-то необычное. Ее взгляд пронизал меня насквозь. Раньше я за ней такого ни разу не замечал. Словно я до странности прозрачен. Словно она разглядывает небо.

– Но иногда мне кажется, что я должна на это решиться. В смысле… – Не отрывая от меня взгляд, она прикусила губы. Затем опустила глаза. – Не знаю… Хватит об этом.

На этом разговор прервался, и она зашагала дальше.

Мы встретились почти год спустя. За это время она до неузнаваемости похудела. Впали щеки, шея стала тоньше. Однако не похоже, чтобы девушка болела. Она

похудела как-то очень естественно и тихо. Даже стала красивее, чем я считал раньше. Я хотел сказать ей об этом, но не смог найти подходящих слов и промолчал.

Мы приехали на станцию Йоцуя без какой-либо на то причины. Просто совершенно случайно встретились в вагоне Центральной линии. Планов никаких, поэтому когда она предложила выйти, мы вышли. Случайной станцией оказалась Йоцуя. Мы оказались наедине, но у нас не нашлось темы для разговора. Я так и не смог понять, зачем она предложила мне выйти из электрички. Ведь нам с самого начала, в принципе, не о чем было говорить.

Мы вышли на улицу, и она, не объясняя, куда собралась, сразу же зашагала вперед. Мне ничего не оставалось, как идти за ней следом. Я шел и видел перед собой лишь ее спину. Иногда она оборачивалась что-нибудь спросить. На некоторые вопросы я отвечал, но были и такие, на которые я не знал что сказать. Ей, казалось, было все равно. Она едва успевала договорить, сразу отворачивалась и продолжала идти вперед.

Мы свернули направо на Итабаси, прошли вдоль рва, затем через перекресток Кампомати, взобрались на холм Отяно-мидзу и прошли Хонго. Дальше шагали вдоль линии электрички до Комагомэ. Такой себе пеший марафон… Когда мы дошли до Комагомэ, солнце уже село.

– Где мы? – как бы очнувшись, спросила она.

– На Комагомэ, – ответил я. – Ты не заметила, что мы сделали круг?

– Зачем мы сюда пришли?

– Ты привела, я только шел следом.

Мы зашли перекусить в ресторанчик соба[2 - Соба – лапша из гречишной муки.] рядом со станцией. Пока ели, никто не произнес ни слова. Я смертельно устал, она же опять о чем-то задумалась.

– А ты выносливая, – сказал я, доев лапшу.

– Что, странно?

– Ага.

– Я еще в средней школе бегала на длинные дистанции. К тому же отец любил альпинизм, и я с малолетства по воскресеньям лазала в горы. Так и накачала ноги.

– По тебе не видно.

Она улыбнулась.

– Я провожу тебя до дома.

– Не стоит. Я доберусь сама. Не переживай.

– Да мне все равно.

– Нет, в самом деле. Я привыкла возвращаться в одиночестве.

Признаться, ее слова меня несколько успокоили. До ее дома на электричке езды больше часа. Я не представлял, как мы будем ехать все это время молча. В конце концов, она поехала обратно одна. А я за это угостил ее ужином.

– Послушай, если ты не против… ну, если тебе это не в тягость… мы еще встретимся? Я понимаю, что у меня нет никаких причин так говорить… – сказала она на прощание.

– Причин? – удивился я. – Что это значит – «нет причин»?

Она покраснела. Видимо, с удивлением я перестарался.

– Я не могу толком объяснить, – как бы оправдываясь, сказала она, закатала оба рукава ветровки выше локтей, а потом снова их разгладила. В электрическом свете пушок у нее на лице стал красивым, желто-золотистым. – Я не хотела говорить «причина», думала сказать иначе.

Она облокотилась на стол и закрыла глаза, будто надеялась отыскать подходящие слова. Но, естественно, ничего не нашла.

– Ничего страшного, – попробовал я ее успокоить.

– Вот и у меня не получается. Причем давно. Соберусь что-нибудь сказать, а в голове какие-то неуместные слова всплывают. Или совершенно наоборот. Собираюсь поправить себя, начинаю еще больше волноваться и говорю что-то лишнее. Оп – и уже не помню, чего хотела в самом начале. Такое ощущение, что мое тело разделено на две половины, которые играют между собой в догонялки. А в центре стоит очень толстый столб, и они вокруг него бегают. И все правильные слова – в руках еще одной меня, но здешняя «я» ни за что не могу догнать себя ту. – Она посмотрела мне в глаза. – Ты это понимаешь?

– Такое в большей или меньшей степени случается с каждым, – изрек я. – Все пытаются выразить себя верно, но толком у них не выходит, вот они и нервничают.

Ее мои слова, похоже, несколько разочаровали.

– Но это – другое, – вздохнула она, и больше ничего не объясняла.

– Я нисколько не против наших встреч, – сказал я. – Все равно по воскресеньям болтаюсь без дела. Да и пешком ходить – полезно для здоровья.

На станции мы расстались. Я сказал «до свидания», она тоже со мной попрощалась.

Впервые я встретился с ней, когда перешел во второй класс старшей[3 - Предпоследний школьный класс в Японии. Возраст учеников – 16 лет.] школы. Ей было столько же, сколько мне, и она училась в миссионерском лицее «для благородных девиц». А познакомил нас мой хороший товарищ – она была его подругой. Они с пеленок росли вместе и жили по соседству, менее чем в двухстах метрах друг от друга.

Как это часто бывает с подобными парами, у них не возникало стремления уединиться. Они часто ходили друг к другу в гости, ужинали семьями. Несколько раз звали меня, какую-нибудь девчонку и устраивали парные свидания. Однако девчонки не разжигали во мне искорок хоть какой-то любви, и мы в конце концов естественным образом стали встречаться втроем. Так было удобнее всего. Роли распределились следующим образом: я чувствовал себя гостем, мой товарищ – всемогущим хозяином, а она – его ассистенткой.

Была в нем такая жилка. И несмотря на присутствующую в нем изрядную долю сарказма, он был человеком добрым и справедливым. Одинаково внимательно разговаривал и шутил и с ней, и со мной, и вообще, когда замечал, что кто-нибудь долго молчит, обращался к нему и вытягивал собеседника на разговор. Он умел мгновенно оценить тональность беседы и действовал по ситуации. Вдобавок у него был редкостный талант извлекать из посредственного в целом собеседника что-нибудь интересное. Потому мне порой казалось, что я – очень интересный человек и веду не менее интересный образ жизни.

Но стоило ему отлучиться, и разговор с ней никак не складывался. Мы просто не знали, о чем говорить: на самом деле, у нас не было ни одной общей темы. Что уж тут? Мы молча пили воду и двигали стоявшую на столе пепельницу. В общем, ждали, когда вернется он.

Через три месяца после его похорон мы встретились с ней один раз. Оставалось небольшое дело, и мы договорились о свидании в кафе. А когда все обсудили, больше поводов для разговора не осталось. Я попытался разговорить ее, но беседа постоянно обрывалась на полуслове. Плюс ко всему, отвечала она резковато. Будто бы сердилась на меня, но почему – я не знал. И мы расстались.

Может, сердилась, что не она, а я был последним, кто разговаривал с ним? Может, это звучит неэтично, но я, кажется, понимал ее настроение. И, будь это возможно, хотел бы, чтобы на моем месте оказалась она. Однако что случилось, то случилось. И что бы мы себе ни думали, уже ничего не изменить.

В тот погожий майский день, возвращаясь из школы (а если честно, попросту сбежав с уроков), мы зашли в бильярдную и сыграли четыре партии. Первую выиграл я, все остальные – он. По уговору я заплатил за игру.

Той же ночью он умер в гараже собственного дома. Протянул от выхлопной трубы «N-360»[4 - Популярная во второй половине 60-х годов XX века малолитражка фирмы «Хонда».] резиновый шланг, залепил окна в салоне липкой лентой и запустил двигатель. Долго ли он умирал, я не знаю. Его родители уезжали навестить кого-то в больнице, а когда вернулись и открыли двери гаража, он был мертв. И только радио играло в машине да дворники прижали к стеклу чек с автозаправки.

Ни предсмертной записки, ни очевидных причин. Поскольку я был последним, кто встречался и разговаривал с ним, меня вызвали в полицию на допрос. «По нему ничего не было видно, вел себя как всегда, – сказал я следователю. – И с чего бы человек, решившийся на самоубийство, выигрывал на бильярде три партии кряду?» Но видимо, ни я, ни он положительного впечатления на следователя не производили. В глазах того читалось: «Что может быть странного в самоубийстве человека, который вместо занятий катает шары?» В газету поместили короткий некролог, и на этом дело закрыли. Красный «N-360» сдали на скрэп. Некоторое время на его парте стояли белые цветы.

Перебравшись после школы в Токио, я хотел только одного: не брать в голову разные вещи и как можно лучше постараться от них отстраниться. Я решил насовсем забыть зеленое сукно бильярдного стола, красный «N-360», белые цветы на парте, дым из трубы крематория и тяжелое пресс-папье на столе следователя. Первое время казалось, что мне это удается. Но сколько бы я ни пытался все забыть, во мне оставался какой-то аморфный сгусток воздуха, который с течением времени начал принимать отчетливую форму. Эту форму можно выразить словами.

Смерть – не противоположность жизни, а ее часть.

На словах звучит просто, но тогда я чувствовал это не на словах, а упругим комком внутри своего тела. Смерть закралась и внутрь пресс-папье, и в четыре шара на бильярдном столе. И мы жили, вдыхая ее, словно мелкую пыль.

До тех пор я воспринимал смерть как существо, полностью отстраненное от жизни. Иными словами: «Смерть рано или поздно приберет нас к рукам. Однако

до того дня, когда смерть приберет нас к рукам, она этого сделать не может». И такая мысль казалась мне предельно точной теорией. Жизнь – на этой стороне, смерть – на той.

Однако после его смерти я уже не мог воспринимать ее так просто. Смерть – не противоположная жизни субстанция. Смерть изначально существует во мне. И как ни пытайся, устраниться невозможно. Унеся его в ту майскую ночь семнадцатилетия, смерть одновременно пыталась поглотить и меня.

Я ощущал это очень отчетливо. И вместе с тем старался не думать слишком серьезно. Задача не из легких. Почему? Мне тогда было всего лишь восемнадцать, и я был еще слишком молод, чтобы вникать в суть вещей.

Я продолжал раз-два в месяц ходить на свидания с ней. Пожалуй, наши встречи можно назвать свиданиями, поскольку другие слова в голову не приходят.

Она училась в женском институте на окраине Мусасино. Укромное учебное заведение с хорошей репутацией. От ее квартиры до учебного корпуса пешком – меньше десяти минут. По дороге располагался живописный водоем, и мы иногда гуляли вокруг него. Подруг у нее почти не было. Она, как и прежде, лишь изредка роняла отдельные слова. Говорить особо не о чем, и я тоже старался лишний раз промолчать. Встречаясь, мы просто бродили.

Нельзя сказать, что в наших отношениях не было прогресса. Закончились летние каникулы, и она очень естественно – будто само собой разумеется – начала ходить со мной рядом. Теперь уже рядом, а не впереди, как раньше. Мы взбирались на холмы, переправлялись через реки, переходили дороги и продолжали куда-то идти. У нас не было цели. Нам было достаточно просто идти куда-нибудь. Нашагавшись, заходили в кафе выпить по чашке кофе, затем шли дальше. И только менялись времена года, как на вращающемся по кругу слайдоскопе. Вскоре наступила осень, и весь внутренний двор общежития усыпали листья дзельквы. Надевая свитер, я почувствовал запах нового времени года. Сносилась обувь, и я купил новую пару – из замши.

Когда задули холодные осенние ветры, она, бывало, прижималась к моей руке. Через толстый ворс ее пальто я ощущал тепло. Но только и всего. Засунув руки в карманы, я продолжал ходить, как и обычно. Обувь у нас была на резиновой

подошве, и шаги почти не слышались. Лишь сухо шуршало под ногами, когда мы наступали на опавшие листья огромных платанов. Ей была нужна не моя, а чья-нибудь рука. Ей требовалось не мое, а чье-нибудь тепло. По крайней мере, так мне казалось тогда.

Чем дальше, тем прозрачнее становился ее взгляд. Такая безысходная прозрачность. Иногда она без всякой причины всматривалась в мои глаза. И всякий раз мне становилось невыносимо грустно.

Общежитские поддразнивали меня, когда она звонила или я по утрам в воскресенье собирался уходить. Они, разумеется, полагали, что у меня завелась подружка. Я не собирался им ничего объяснять, и даже не видел в этом необходимости, а потому оставлял все как есть. Когда я возвращался вечером в общагу, кто-нибудь непременно интересовался, как прошел секс. «Так себе», – всегда отвечал я.

Так проходил мой восемнадцатый год. Всходило и садилось солнце, спускался и поднимался флаг, а я по воскресеньям встречался с подругой покойного друга. Я не осознавал, ни что сейчас делаю, ни как быть дальше. На лекциях слушал про Клоделя, Расина и Эйзенштейна. Все они писали неплохие тексты, но только и всего. Товарищей среди однокашников я себе не завел, с соседями по общаге лишь здоровался. Я постоянно читал книги, и общежитские считали, что я собираюсь стать писателем. А я не собирался становиться писателем. Я вообще не собирался становиться никем.

Несколько раз я порывался рассказать ей о своих мыслях. Мне казалось, она должна правильно понять мое настроение. Но подобрать слова, чтобы выразить свои чувства, не мог. Как она была права: стоит начать подыскивать нужные слова, и все они словно погружаются на дно мрака.

В субботу вечером я садился на стул в коридоре возле телефона и ждал звонка от нее. Бывало, не дожидался три недели кряду, бывало, она звонила две субботы подряд. А я продолжал сидеть и ждать. По субботам все уходили в город, и в коридоре становилось тише обычного. Разглядывая витавшие в безмолвном пространстве частички света, я пытался разобраться в себе. Всем от кого-то что-то нужно. Это точно. Однако что будет дальше, я не имел ни

малейшего понятия. И я вытягивал руку, но перед самыми кончиками пальцев неожиданно возникала воздушная стена.

Зимой я подрабатывал в музыкальном магазине на Синдзюку. На Рождество подарил ей диск Генри Манчини с ее любимой песней «Dear Heart». Сам упаковал и перевязал его розовой тесьмой. Оберточная бумага была под стать празднику – в узоре из пихт. А она связала мне шерстяные перчатки. Несколько жали пальцы, но главное – в них было тепло.

Она не поехала на зимние каникулы домой, и все новогодние праздники я питался у нее.

Той зимой много чего произошло.

В конце января мой сосед на два дня свалился с температурой под сорок. Из-за чего накрылось мое свидание. Казалось, он вот-вот коньки отбросит. Естественно, я не мог уйти, оставив его в таком состоянии. Найти сиделку не удалось, поэтому выбора не оставалось – только самому покупать лед, делать холодный компресс, вытирать влажным полотенцем пот и каждый час мерить температуру. Температура не спадала целые сутки. Однако уже на второе утро он подскочил как ни в чем не бывало. Сунули градусник – тридцать шесть и два.

– Странно. У меня за всю жизнь ни разу не было температуры, – сказал он.

– Но ведь появилась, – разозлился я и показал ему два неиспользованных билета.

– Хорошо, что это всего лишь пригласительные, – сказал он.

В феврале несколько раз шел снег.

В конце февраля я из-за какого-то пустяка ударил старшекурсника, жившего на одном этаже со мной. Тот въехал головой в бетонную стену. К счастью, рана оказалась пустяковой. Однако меня вызвали в кабинет коменданта и сделали предупреждение, подпортившее мою дальнейшую жизнь в общежитии.

Тем временем мне стукнуло девятнадцать, я перешел на второй курс, при этом завалив несколько зачетов. По остальным предметам получил свои обычные оценки «C» или «D», было даже несколько «B»[5 - Самой высокой является «A». При оценке «D» получить зачет проблематично. В вузах Японии обязательные зачеты можно не выдержать с первого раза и сдавать в последующие семестры.]. Она все зачеты сдала без завалов и легко стала второкурсницей. Колесо природы сделало еще один круг.

* * *

В июне ей исполнилось двадцать. Этот маленький юбилей вызвал у меня странное чувство. Казалось, что нам обоим было бы справедливей перемещаться между восемнадцатью и девятнадцатью: после восемнадцати исполняется девятнадцать, через год – опять восемнадцать… Это еще можно было представить. Но ей уже двадцать. Столько же станет мне следующей зимой. И только мертвец навсегда остался семнадцатилетним.

В день ее рождения шел дождь. Я купил на Синдзюку торт и поехал к ней домой.

Электричка была набита битком, к тому же сильно качало. Когда я добрался вечером до ее дома, торт напоминал своей формой развалины римского Колизея. Я достал и воткнул в него двадцать маленьких свечей. Поджег их от спички, закрыл шторы, погасил свет. Как настоящий день рождения. Она открыла вино. Мы скромно поужинали, затем разрезали торт.

– Уже двадцать… чувствую себя как дура, – сказала она. Поужинав, мы вымыли посуду и, расположившись на полу, допивали вино. Пока я цедил один бокал, она успела выпить два.

В тот день она была на редкость разговорчива. Рассказывала о детстве, о школе, о своей семье. Очень долго рассказывала, но при этом – вполне отчетливо. История «А» внезапно переходила в содержавшуюся в ней историю «Б». Затем в «Б» возникала история «В» – и так до бесконечности. Первое время я вежливо поддакивал, но вскоре перестал. Поставил пластинку, а когда она закончилась, поменял на следующую. Когда послушали все, что у нее было, опять поставил первую. За окном продолжал лить дождь. Время текло медленно, и она продолжала свое повествование.

Когда стрелка на часах перевалила одиннадцать, я не на шутку заволновался: она не замолкала уже больше четырех часов. Мне нужно было успеть на последнюю электричку. Как поступить в этой ситуации, я не знал. Изначально я считал, что лучше дать ей выговориться, но сейчас я был иного мнения. Изрядно поколебавшись, я решил прервать ее монолог. Что ни говори, а это слишком.

– Поздно. Мне пора, – сказал я. – Увидимся на днях, хорошо?

Не знаю, услышала она меня или нет. Лишь на секунду умолкла, и заговорила снова. Я отчаялся и закурил. Раз так, то лучше пусть говорит. А там будь что будет…

Однако речь ее не продлилась долго. Когда я обратил на это внимание, она уже молчала. Лишь в воздухе повис обрывок ее фразы. Если выражаться буквально, ее рассказ не закончился, а куда-то внезапно улетучился. Она пыталась его продолжить, но тщетно. Будто бы что-то испортилось. Приоткрыв губы, она отрешенно смотрела мне в глаза. Словно я совершил нечто ужасное

– Я не хотел тебе мешать, – сказал я. – Просто уже поздно. К тому же…

На глаза ей навернулись слезы. Стекая по щекам, они через мгновение стукались о конверт пластинки. Их было не остановить. Она уперлась руками в пол и, слегка подавшись вперед, будто ее рвало, рыдала. Я протянул руки и взял ее за плечи. Те мелко тряслись, и я машинально обнял ее. Она продолжала бесшумно плакать, уткнувшись мне в грудь. От слез и ее теплого дыхания моя рубашка промокла насквозь. Ее пальцы бегали по моей спине, словно отыскивая там что-то. Левой рукой я поддерживал девушку, а правой гладил ее прямые мягкие волосы. И долго стоял, дожидаясь, когда она перестанет плакать. Но она не унималась.

В ту ночь я с ней переспал. Я не знал, правильно поступаю или нет. Но в ту ночь ничего другого не оставалось.

Давно у меня не было секса, а у нее это случилось впервые. Я спросил, почему она с ним не спала, хотя делать этого не следовало. Она ничего не ответила, только отстранилась от меня и, повернувшись спиной, всматривалась в дождь за окном.

К утру дождь прекратился. Она спала, повернувшись ко мне спиной. А может, ни на минуту не смыкала глаз. Что, впрочем, сути для меня не меняло. Как и год назад, тишина полностью поглотила ее существо. Какое-то время я смотрел на ее обнаженные плечи, затем отчаялся и встал с постели.

На полу валялся оброненный вечером конверт пластинки. На столе оставалась потерявшая форму половинка торта. Все выглядело так, будто время внезапно остановилось и обездвижело. На столе лежали словарь и таблица французских глаголов. К стене перед столом был приклеен календарь. Просто цифры – никаких картинок или фотографий. Белоснежный календарь, без надписей и пометок.

Я подобрал с пола одежду. Спереди рубашка оставалась леденяще влажной. Я приблизил лицо и почувствовал запах ее волос.

В лежавшем на столе блокноте написал: «Позвони мне на днях». Вышел из квартиры и осторожно закрыл за собою дверь.

Прошла неделя, но телефон молчал. В ее доме телефонов не было вообще, и тогда я написал длинное письмо. Я откровенно описал все, что чувствовал.

Мне многое до сих пор непонятно, я пытаюсь изо всех сил все это осознать, но потребуется время. Где я буду спустя это время – даже представить себе не могу. Но при этом я стараюсь не думать об окружающем слишком серьезно. Уж больно беспорядочен этот мир для серьезных раздумий. Пожалуй, тем самым я в результате обижаю людей вокруг, хотя навязывать им себя мне ни в коем случае не хотелось бы. Очень хочу тебя увидеть. Но, как я и говорил прежде, сам не знаю, правильно это или нет.

В начале июля пришел короткий ответ.

Я взяла академический отпуск на год. Временно, хотя, мне кажется, обратно я уже не вернусь. И академ – не более чем формальность. Завтра съезжаю с

квартиры. Для тебя такой поворот событий может показаться внезапным, но я давно об этом думала. Несколько раз хотела поделиться с тобой, но все никак не решалась. Мне было страшно это произносить.

Но ты не принимай все это близко к сердцу. Так или иначе, все к тому шло. Не хотелось, чтобы мои слова тебя обидели. Если все-таки обидели – прости. Я просто хочу тебя попросить: не вини себя за то, что со мной произошло. Расплачиваться за все должна только я сама. Весь этот год я лишь пыталась до последнего оттянуть неминуемое. И тем самым причинила тебе немало беспокойств. Но всему есть предел.

В горах Киото есть один хороший санаторий, где я решила провести некоторое время. Эго не больница в прямом смысле слова, а такое заведение, которое можно посещать свободно, для адаптации. Подробно я расскажу тебе о нем как-нибудь потом. Пока я еще пишу с трудом и переписываю это письмо уже в десятый раз. Спасибо тебе за тот год, что ты провел со мной рядом. Я даже не могу выразить на словах, как я тебе за это благодарна. Верь только этому. Больше я сказать тебе ничего не могу. Бережно храню пластинку – твой подарок.

Если мы сможем еще хотя бы раз встретиться где-нибудь в этом беспорядочном мире, думаю, я смогу как следует рассказать о многом.

До свидания.

Я раз сто перечитал письмо, и с каждым разом мне становилось невыносимо грустно. Примерно то же я испытывал, когда она заглядывала мне в глаза. Я не мог ни выплеснуть эти чувства, ни хранить их в себе. Они были невесомы и бесформенны, как проносящийся мимо ветер. Я не мог примерить их на себя. Мимо медленно проплывал пейзаж. До меня не доносилось ни звука.

По субботам я, как и прежде, много времени сидел на стуле в коридоре. Звонка я ни от кого не ждал, но делать было совершенно нечего. Я включал прямую трансляцию бейсбольного матча и делал вид, будто смотрю телевизор. Постепенно чувства эти, словно пеленой разделили пространство между мной и телевизором, потом отсекли от него еще одну часть, за ней – еще одну. Снова и снова – в конце концов они стиснули меня, едва не касаясь моих рук.

В десять часов я выключал телевизор и шел спать.

В конце того месяца сосед по комнате подарил мне светлячка.

Светлячок сидел в кофейной банке. Сосед налил в нее немного воды и насыпал листьев. В крышке проделал мелкие прорези для воздуха. На улице было светло, и существо походило на обычного черного водяного жучка. Хотя, если присмотреться внимательно, это, бесспорно, был светлячок.

При каждой попытке выбраться наружу насекомое скользило по стенке и съезжало на дно банки. Давно я не видел светлячка так близко.

– Во дворе нашел. Их выпускают в соседней гостинице для привлечения постояльцев. Вот один и добрался сюда, – сказал он, укладывая в сумку-банан одежду и тетради.

С начала лета прошло несколько недель, и в общежитии оставались, пожалуй, только мы вдвоем. Я не хотел возвращаться домой, а он проходил практику. Но теперь практика закончилась, и он собирался на родину.

– Можно подарить его какой-нибудь девчонке. Наверняка будет рада.

– Спасибо, – поблагодарил я.

С заходом солнца общежитие погрузилось в тишину. Казалось, оно вообще превратилось в руины. С флагштока спустили флаг, из окон столовой струился слабый свет. Студенты разъехались по домам, поэтому освещалась лишь половина зала – левая, а в правой было темно. Но едой все же пахло. На ужин приготовили рагу под белым соусом.

Я взял банку со светлячком и поднялся на крышу. Там никого не было, и только сушилась на веревке забытая кем-то белая рубашка, которую вечерний ветерок раскачивал, словно сброшенный кокон. Я взобрался по приставной лестнице еще выше, на водонапорную башню. Круглый бак хранил тепло солнечного дня. Я присел на тесной площадке, облокотился на перила и на миг заметил

прятавшуюся в облаках луну. По правую руку виднелись огни Синдзюку, по левую – Икэбукуро[6 - Синдзюку и Икэбукуро – кварталы, прилегающие к двум одноименным крупным узловым станциям на кольцевой линии «Яманотэ» железнодорожной сети «Джапэн Рэйлроуд» в Токио.]. Лучи автомобильных фар слились в яркую реку света, которая перетекала от одного квартала к другому. Различные звуки смешивались в мягкий рокот, тучей нависавший над городом.

На дне банки едва различимо мерцал светлячок. Но свет его был слабым, цвет – бледным. Давно я не видел светлячков, но на моей памяти они светились под покровом летней ночи куда более отчетливо и ярко. Иначе и быть не должно.

Может, этот светлячок ослаб и умирает? Я взял банку за горлышко и слегка потряс. Светлячок ударился о стеклянную стенку и слегка подлетел. Но лучше светить не стал.

Видимо, память мне изменяет. И свет у светлячков на самом деле не такой яркий. Просто мне так казалось.

А может, меня тогда окружала более густая темнота? Этого я припомнить не мог. Как и то, когда видел их в последний раз.

Я помнил лишь всплеск воды в ночной темноте. Еще там был старый кирпичный шлюз. В действие его приводил ворот. Это река, но почти стоячая, и поверхность чуть ли не сплошь заросла ряской. Вокруг темень, а над заводью шлюза летают сотни светлячков. Их свет отражается от воды, будто огненная пыльца.

Когда это было? И где?

Нет, не помню.

Теперь уже многое сдвинулось с прежних мест, переплетясь между собой.

Закрыв глаза, я дышал полной грудью и пытался разобраться в себе. С закрытыми глазами казалось, будто тело всасывается во мрак летней ночи. Если подумать, я впервые забирался на водонапорную башню после темна. Ветер дул четче обычного. Вроде бы несильный, он оставлял вокруг меня на удивление яркую траекторию. Ночь неспешно покрывала земную поверхность. И как бы

городские огни ни пытались сокрыть ее существо, ночь отметала все эти попытки.

Я открыл крышку, достал светлячка и посадил его на травинку, пробившуюся у основания водонапорной башни. Светлячок долго не мог понять, что его окружает. Он копошился вокруг болта, забегал на струпья сухой краски. Сначала двигался вправо, но когда понял, что там тупик, повернул налево. Затем неторопливо взобрался на головку болта и как бы присел на корточки. Словно испустив дух, светлячок замер неподвижно.

Я следил за ним, откинувшись на перила. И долгое время ни я, ни он не шевелились – только ветер обдувал нас. Миллиарды листьев шуршали друг другу в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Станции Центральной линии железнодорожной сети «Джапэн Рэйлроуд». – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Соба – лапша из гречишной муки.

3

Предпоследний школьный класс в Японии. Возраст учеников – 16 лет.

4

Популярная во второй половине 60-х годов XX века малолитражка фирмы «Хонда».

5

Самой высокой является «A». При оценке «D» получить зачет проблематично. В вузах Японии обязательные зачеты можно не выдержать с первого раза и сдавать в последующие семестры.

6

Синдзюку и Икэбукуро – кварталы, прилегающие к двум одноименным крупным узловым станциям на кольцевой линии «Яманотэ» железнодорожной сети «Джапэн Рэйлроуд» в Токио.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haruki-murakami/svetlyachok-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить